

as in many other buildings, according to the ideas of the Chuvash people, otherworldly creatures lived. From the beginning of the building of a house plants, animals and other sacrifices were made for the spirits and deities. Positive and negative characters regulated the domestic life. The Chuvash people thought a man to be the keeper of the hearth, but he had the female hypostasis. The locus of the placement was considered to be a stove, that's why coming back from the outings the owners of the house threw some pieces of food on the stove, behind the stove and in the stove. With the stove the deity of fire, the oven's mother and numerous good and evil spirits were also associated. Deities and spirits did not only protect the house from miseries and troubles, but also did harm to the members of the household, if they were displeased with their behavior and the offertories. Malicious creatures used various objects of the house for the invasion into the domestic space. The house was a complex organism, corresponding to human needs and reflecting the world outlook. The elements and home space had an individual sign-symbolic meaning. Giving special features to the details, combined into a single unit, was directed to the well-being and a decent life for the members of the household. This perception of the house confirms the idea, that it was not only considered as a place of family residence, but also as a temple for the deities, where the host served a priest. In the article deities and spirits occupying the space of the Chuvash house are briefly systematized.

Key words: ethnography, the Chuvash people, religion, customs

---

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 314–323
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 314–323
© Автор(ы) 2016

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАГАЙБАКОВ В ДИНАМИКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

И.Р. Атнагулов

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
i.atnagulov@mail.ru*

Аннотация. Нагайбаки как новая идентичность появляются в XVIII–XIX вв. Основными этномаркирующими признаками их являлись религиозная, сословная, этнокультурная и языковая принадлежности. История формирования, развития и влияния которых на этнический облик нагайбаков описаны нами в предыдущих публикациях, в том числе в данном журнале. В 1920–1930-х гг. с утратой сословной и конфессиональной идентичностей у нагайбаков языковой становится едва ли не единственным этноидентификационным признаком. В соответствии с вновь принятым принципом кодификации населения по этническому признаку нагайбаки с конца 1930-х гг. были исключены из списка националь-

---

Атнагулов Ирек Равильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ностей СССР и вошли в состав населения, фиксируемой этнонимом «татары». Одним из оснований для этого послужило то, что язык нагайбаков по лингвистической классификации входит в систему говоров среднего диалекта татарского. К концу 1990-х гг. наблюдалось противоречие между официальным статусом этнической и языковой идентичностей нагайбаков и их народным пониманием. Нагайбаки, сохраняя этническую идентичность отличную от татар, также позиционировали родной язык не как татарский, а как нагайбакский. В 2015 г. нагайбакскими краеведами был создан словарь, в котором написание лексики произведено не с учётом татарской литературной нормы, как это было раньше, а в соответствии с фонетическими особенностями нагайбакского говора. Существование нагайбакской языковой идентичности подтверждается нашими полевыми исследованиями, проведёнными в 2005–2015 гг. Особенностью языковой ситуации среди нагайбаков является то, что за прошедшее столетие сфера функционирования родного языка значительно уменьшилась в пользу русского. Вместе с тем отношение к родному языку как главному этномаркирующему признаку не только сохранилось, но и еще более укрепилось. Остроту проблемы усиливает научная и общественная дискуссия о лингвистическом статусе родного языка нагайбаков.

Ключевые слова: этнология Приуралья, идентичности, лингвистика, нагайбаки

Языковая идентичность при групповой самоидентификации обычно является одной из важнейших составляющих этнического самосознания. Принципы лингвистической классификации народов мира являются основополагающими в современной российской этнологии и восходят, вероятно, к древним представлениям об этническом разнообразии мира. Старорусское «язык» (мн. ч. – «языщи») буквально означало – народ¹. Языковая принадлежность, помимо сословной и религиозной, всегда являлась одним из основных идентификационных признаков населения страны во время проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

Со времени подготовки к проведению Всесоюзной переписи 1926 г. и до сегодняшнего дня диагностика этнической идентичности по языковому признаку является обязательной в деле кодификации этнического состава населения². Введение в практику учета населения такой графы, как «национальность», нуждалось в определении этого понятия, которое было сформулировано в 1937 г. на государственном уровне, где языковая идентичность являлась одной из главных маркирующих³. Данный вид групповой идентичности, после ликвидации сословной и конфессиональной, являлся для советского государства в практике «национального строительства» на начальном этапе формирования «социалистических наций» как основополагающий этноидентификационный признак. Об этом с начала 1990-х гг. пишут, например, исследователи, занимающиеся изучением этнической ситуации в Средней Азии⁴. Известно, что в результате государственного конструирования «социалистических» наций к концу 1930-х гг. их список, по сравнению с 1926 г., значительно сократился за счет объединения или присоединения одних этносов к другим. Это сопровождалось сокращением этнонимической номенклатуры. Чаще всего объединяли этносы, использовавшие в качестве родного диалек-

¹ Даль 2000, 674–675.

² Соколовский 2009, 47–48.

³ Сталин 1931, 8.

⁴ Абашинов 2009, 252–278; Рахимов 1991, 13–24.

ты одного и того же языка. Согласно такой схеме были причислены к татарскому этносу различные группы кряшен и нагайбаков, которые к тому времени уже обладали собственным самосознанием.

По языковому признаку нагайбаки вошли в этнос, объединяющий обширное в географическом смысле население тюркоязычных (кыпчакоязычных) народов, традиционно исповедующих мусульманство, реже – христианство и исторически восходящих к населению Улуса Джучи. Часть этого населения этноним «татары» использовала в качестве самоназвания уже давно (крымские, часть сибирских татар, часть волго-уральских татар-мусульман), другая часть тюркоязычного населения, использовавшая до этого в качестве самоназвания этнонимы «мэсэлмэн», «казанлы», «булгар», «мишэр», «типтэр», «керэшен» и др.⁵, начала усваивать этноним «татары». Этот процесс начался ещё во второй половине XIX – начале XX вв.⁶

Согласно лингвистической классификации, родной язык нагайбаков является говором в составе среднего диалекта татарского⁷. Вместе с нагайбакским в его состав входят еще два – говоры кряшен Заказанья и Нижнего Прикамья⁸. По основным показателям – лексическому составу, фонетическим, морфологическим особенностям – говор нагайбаков обнаруживают параллели в большинстве подобных, относящихся к среднему диалекту, особенно заказанских, прикамских кряшен⁹, нукратских (вятских) татар и татар Приуралья¹⁰. Говор кряшен Нижнего Прикамья состоит из четырех подговоров – елабужского, челнинского, заинского и бакалинского¹¹. Нагайбакский до 1843 г. формировался на базе кряшенско-татарских говоров Заказанья и Восточного Закамья (мензелинский говор)¹². Поскольку этнической территорией нагайбаков были земли Уфимской провинции, затем – Белебеевского уезда (ныне – Бакалинский р-н Республики Башкортостан), то ближайшими их соседями были кряшены данного региона, не вошедшие в казачье сословие, или группа бакалинских кряшен, как их определяют в структуре кряшен Восточного Закамья¹³.

Язык, на котором говорили казаки-нагайбаки до 1843 г. на территории Белебеевского уезда, вероятно, являлся общим для всего кряшенского населения, поскольку и казаки-нагайбаки, и кряшены не казачьего сословия формировались из одних и тех же этнических компонентов¹⁴. После переселения в 1843 г. нагайбаков на территорию Южного Зауралья их язык стал складываться изолированно от бакалинских кряшен и в связи с этим приобрел некоторые особенности¹⁵. Поэтому язык нагайбаков выделяется в качестве самостоятельного говора в одном таксономическом уровне вместе с говорами других групп кряшен. Некоторые от-

⁵ Уразманова, Чешко 2001, 41–42; Багин 1910, 119.

⁶ Уразманова, Чешко 2001, 147.

⁷ Закиев 1996, 370; Тишков 1994, 238; Рамазанова 1995, 88.

⁸ Исаков 1993, 117.

⁹ Баязитова 1986, 38–39.

¹⁰ Рамазанова 1995, 93.

¹¹ Рамазанова 1995, 119.

¹² Баязитова 1986, 38–39; Баязитова 1995, 94.

¹³ Исаков 1993, 132–133.

¹⁴ Атнагулов 2015, 27.

¹⁵ Рамазанова 1995, 88.

личия от языка татар сложились в силу тех же обстоятельств, по которым возникли таковые в говорах других групп кряшен. Это связано, главным образом, с конфессиональной принадлежностью – отсутствие арабизмов и фарсизмов в языке. (При этом слово «бог» в нагайбакском языке звучит как «кодай»¹⁶). У нагайбаков отличительные особенности появлялись еще и под воздействием тесных контактов с русскими¹⁷.

Другой особенностью нагайбакского и остальных кряшенских говоров является сохранение некоторых архаичных слоёв лексики в обрядовой культуре¹⁸, утраченных у татар, исповедующих мусульманство. Ф.С. Баязитовой в обрядовой культуре нагайбаков отмечается особенное влияние культа предков. Отсюда появление большого количества «языческих» молений и соответствующей терминологии¹⁹. О сохранении архаичных черт в говоре нагайбаков в сравнении с другими татарскими писала Д.Б. Рамазанова²⁰. У нагайбаков сложилась оригинальная система языка, являющаяся в основе своей кряшенской, но имеющая в то же время и некоторые своеобразные моменты, обнаруживаемые в обеих группах терминов родства: по крови и по браку²¹. Вместе с тем она отмечает, что система терминов родства у нагайбаков лексически в основном совпадает с татарской²². Д.Б. Рамазанова подчёркивает наличие в терминологической системе нагайбаков древних черт, сближающих их говор с таковыми у подберезинских, чистопольских кряшен, с восточным диалектом татарского и чувашским языками²³.

О том, что языком нагайбаков является татарский, писали исследователи XIX в. – П.И. Небольсин²⁴, В.Н. Витевский²⁵, Ф.М. Стариков²⁶, Н.Ф. Катанов²⁷. Е.А. Бектеева отмечала, что татарский язык, на котором нагайбаки говорят, не литературный, а народный, употребляющийся только для житейских нужд²⁸. Контакты с русскими и служба в казачьем войске способствовали развитию у них двуязычия²⁹. Нагайбаки овладели русским языком раньше, чем их тюркоязычные соседи – казахи и башкиры.

Развитие кряшенской и нагайбакской письменности со второй половины XIX в. находилось под влиянием Русской православной церкви. Письменность для кряшенских говоров, включая нагайбаков, была разработана членом-корреспондентом Российской Академии наук Николаем Ивановичем Ильминским (1822–1891). Алфавит Н.И. Ильминского представляет собой модифицированную кириллицу с добавлением к основному составу букв для отражения татарской фонетики – Ää, Ёё, Öö, Нн, Ёё. Татарская письменность до 1927 г. обслуживалась

¹⁶ Барышникова, 2015, 34.

¹⁷ Баязитова 1995, 116.

¹⁸ Баязитова 1995, 111–112.

¹⁹ Баязитова 1995, 117.

²⁰ Рамазанова 1995, 88.

²¹ Рамазанова 1995, 88.

²² Рамазанова 1995, 88.

²³ Рамазанова 1995, 93.

²⁴ Небольсин 1852, 21–22.

²⁵ Витевский 1897, 439–440.

²⁶ Стариков 1891, 216.

²⁷ Катанов 1898, 14.

²⁸ Бектеева 1902, 175.

²⁹ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л.л. 96–97; Витевский 1891, 163; Стариков 1898, 216.

арабской графикой, а затем перешла на латиницу (яналиф), просуществовавшую до 1939 г. Татарское и кряшенское письмо, таким образом, до 1939 г. обслуживались разными графическими системами. Затем был внедрен адаптированный кириллический алфавит, общий для татар и кряшен. В последнее время в кряшенской литературе вновь обращаются к алфавиту Н.И. Ильминского. В начале 2000-х гг. в Республике Татарстан наблюдались попытки перевода татарской письменности на латиницу. Это вызвало неоднозначную реакцию в общественной и научной среде. Высказывались полярные мнения и среди ведущих ученых, считавших такое нововведение необдуманным³⁰ и относившихся к данной акции как к неизбежной и даже необходимой³¹. В это же время письменность кряшен продолжает обслуживаться кириллицей.

До начала 1960-х гг. в нагайбакских школах проводились уроки татарского языка. Подготовка учителей осуществлялась на базе Троицкого педагогического училища. В настоящее время отдельными учителями осуществляются попытки внедрения уроков на родном языке. Важным показателем в языковой культуре населения является представление о том, что считается родным языком. Согласно примордиалистскому пониманию этого вопроса, родным языком необходимо считать тот, название которого соответствует этнониму³². То есть в данном случае таковым должен быть нагайбакский (татарский) язык. Как показали результаты анкетирования, понятия о родном языке у опрошенного нагайбакского населения разделились. Что касается основного разговорного языка среди нагайбаков, то и здесь нет единодушия в ответах. Это свидетельствует о том, что языковая культура нагайбаков к началу XXI в. находится в таком динамическом состоянии, которое характеризует её как утрачивающую прежнюю маркирующую функцию.

В начале XXI в. языковая идентичность для нагайбаков и большинства населения Нагайбакского района продолжает, как и прежде, являться обязательным этническим маркером, неотъемлемым фактором существования народа, даже если какая-то часть местного не русского населения больше употребляет русский или все на него перешли полностью. Факт существования самостоятельного нагайбакского языка для большинства нагайбаков является бесспорным. Даже те респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков. Исходя из этого, большинство их считает, что нагайбакский язык существует как самостоятельный лингвистический феномен³³.

В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства языка нагайбакского татарскому и в то же время стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского³⁴. Первое связано с жизненным опытом, второе, вероятнее всего, с процессом активного поиска собственной этноидентификационной базы. Этот процесс заметно усилился за последние примерно 15 лет, после обретения

³⁰ Тишков 2011, 75–81.

³¹ Алпатов, http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml

³² Бромлей 1983, 111–116.

³³ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

³⁴ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

нагайбаками официального статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации³⁵. Основные отличия между нагайбакским и татарским языками нагайбаками видятся в основном в фонетике и меньше – в лексике³⁶.

По наблюдениям с 2005 по 2015 гг., доля нагайбаков, использующих родной язык в качестве основного разговорного, существенно не изменилась. Она составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих в основном по-русски и, соответственно, уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени³⁷. Некоторое уменьшение доли населения, говорящего по-нагайбакски, не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора или языка.

Несмотря на достаточно хорошую степень научной изученности вопроса, среди определенной части нагайбаков продолжается обсуждение проблемы связи нагайбакского языка с татарским³⁸. На протяжении нескольких лет нагайбакскими краеведами под руководством жительницы п. Чернореченский Нагайбакского района О.И. Барышниковой шла подготовка «Нагайбакско-русского – русско-нагайбакского словаря»³⁹. Особенности его лексического состава, включающие только архаичный пласт и инновации в правописании с учетом нагайбакской фонетики, отражают точку зрения автора на говор нагайбаков как явление, отличное от татарской языковой культуры.

Народное представление о языке как одном из главнейших этномаркирующих, усвоенное еще от идеологов времен советского «национального строительства»⁴⁰, до сих пор отражается не только в публикациях местных краеведов, но и в результатах опросов, проведенных летом 2015 г. среди населения с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. В перечне названных респондентами отличительных признаков нагайбаков от русских ответов «язык» занял третье место после «обычаев» и «менталитета». Среди отличий от татар ответ «язык» находился на втором после «религии» месте. Примечательно то, что, несмотря на очевидную разницу в степенях языкового родства, часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу усматривают в большей степени, чем с русскими. Это очень важный показатель степени актуализации поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видят в том, что их долгое время «учили говорить по-татарски»⁴¹.

Литературный татарский язык, которому до 1960-х гг. обучали детей по казанским учебникам выпускники Троицкого педагогического училища, конечно, отличался от нагайбакского говора, в равной степени как и от большинства остальных говоров народного языка волго-уральских татар. Этот факт долгое время вызывал и продолжает вызывать беспокойство среди части нагайбаков. Появление словаря О.И. Барышниковой, в котором осуществлен отказ от татарской

³⁵ Федеральный закон, <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>; Постановление Правительства РФ, <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

³⁶ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель.

³⁷ Атнагулов 2015б, 138; 2006, 395.

³⁸ Минеев 2008, 68.

³⁹ Барышникова 2015.

⁴⁰ Соколовский 2009, 45–55.

⁴¹ ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

литературной нормы в пользу правописания в соответствии с народной речью нагайбаков, является ещё одним аргументом, свидетельствующим об активных процессах воплощения идеи нагайбакской языковой и этнической идентичности.

Вместе с тем примерно одна треть респондентов сочла необходимым указать язык в качестве главного сближающего их с татарами признака. В сравнении с казахами 34% нагайбаков свой язык видят как отличительный и 16% – как сближающий. Картину современной языковой идентичности нагайбаков отражают мнения респондентов о наиболее близких к нагайбакскому языкам. Абсолютное большинство – 87% – наиболее близким признало татарский язык⁴². Примечательно, что русский занял более высокое место по сравнению с казахским языком. Общение на русском становится все более обыденным для большинства нагайбаков, в то время как и среди казахов наблюдается увеличение доли употребления русского. Этим обстоятельством объясняется более высокий рейтинг русского языка в народном понимании иерархии лингвистического родства.

Языковая культура нагайбаков за XX столетие изменилась в сторону увеличения сферы функционирования русского языка и уменьшения родного. Вместе с тем отношение к родному языку как главному этномаркирующему признаку не только сохранилось, но и еще более укрепилось. Остроту проблемы усиливает научная и общественная дискуссия о лингвистическом статусе родного языка нагайбаков.

ЛИТЕРАТУРА

Абашин, С.Н. 2009: Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях. *Антропологический форум* 10, 252–278.

Алпатов, В.М. 2002: *Реформа алфавита: латиница или кириллица?* [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml

Атнагулов, И.Р. 2015: *Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика*. Челябинск.

Атнагулов, И.Р. 2015: Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014–2015 гг. *Научные ведомости БелГУ. Серия «История, экономика, политология и информатика»* 19 (216), Вып. 36, 136–144.

Атнагулов, И.Р. 2006: Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности. *ПИФК XVI/2*, 390–396.

Багин, С. 1910: Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления. *Православный собеседник* 1, 119.

Барышникова, О.И. 2015: *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь*. Магнитогорск.

Баязитова, Ф.С. 1986: *Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении*. М.

Баязитова, Ф.С. 1995: К реконструкции традиционной культуры нагайбаков (обряд и текст). В сб. *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)*. Казань, 94–117.

Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещеные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.

Бромлей, Ю.В. 1983: *Очерки теории этноса*. М.

Витевский, В.Н. 1897: *И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года*. Т. I. Казань.

⁴² ПМА 2015, ЧО, Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз.

- Витевский, В.Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. В сб. *Труды IV Археологического Съезда в России*. Т. II. Казань, 257–286.
- Даль, В.И. 2000: *Толковый словарь живого великорусского языка: в четырех томах*. Т. I. М.
- Закиев, М.З. 1996: *Татарский язык. Языки мира: тюркские языки*. М.
- Исхаков, Д.М. 1993: *Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография)*. Казань.
- Катанов, Н.Ф. 1898: Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. В сб. *Ученые записки Казанского университета. Кн. I*. Казань.
- Минеев, П.М. 2008: *По берегам реки Гумбейки*. Челябинск.
- Небольсин, П.И. 1852: Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. *Вестник ИРГО Ч. IV*. Кн. I, 1–34.
- Постановление Правительства Российской Федерации 24 марта 2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>
- Рамазанова, Д.Б. 1995: Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков. В сб. *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков)*. Казань, 88–93.
- Рахимов, Р.Р. 1991: К вопросу о современных таджикско-узбекских межнациональных отношениях. *Советская этнография* 1, 13–24.
- Соколовский, С.В. 2009: *Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года*. Набережные Челны.
- Сталин, И.В. 1931: О национальном вопросе и национальной культуре. *Культура и письменность Востока* 7/8, 5–13.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.
- Уразманова, Р.К. (отв. ред.) 2001: *Татары*. М.
- Тишков, В.А. 2011: *Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг.* Оренбург.
- Тишков, В.А. (гл. ред.) 1994: Нагайбаки. В кн.: *Народы России: энциклопедия*. М.
- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

REFERENCES

- Abashin, S.N. 2009: Vozvrashchenie sartov? Metodologiya i ideologiya v postsovetских nauchnykh diskussiyakh. *Antropologicheskoy forum* 10, 252–278.
- Alpatov, V.M. 2002: *Reforma allfavita: latinitsa ili kirillitsa?* http://www.ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-02/15.alpru.shtml
- Atnagulov, I.R. 2015: *Identichnosti nagaybakov: genezis, struktura, dinamika*. Chelyabinsk.
- Atnagulov, I.R. 2015: Sotsiokulturnye praktiki i struktura identichnostey nagaybakov po materialam ekspeditsiy 2014–2015. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Istoriya, ekonomika, politologiya i informatika»* 19(26), 36, 136–144.
- Atnagulov, I.R. 2006: Yazykovaya situatsiya u nagaybakov kak sostavlyayushchaya etnicheskoy identichnosti. *Problemy istorii, filologii, kultury* XVI/2, 390–396.

- Bagin, S. 1910: Ob otpadenii v magometanstvo kreshchyenykh inorodtsev Kazanskoj eparkhii i o prichinakh etogo pechalnogo yavleniya. *Pravoslavny sobesednik* 1, 119.
- Baryshnikova, O.I. 2015: *Nagaybasko-russkiy slovar. Russko-nagaybaskiy slovar*. Mag-nitogorsk.
- Bayazitova, F.S. 1986: *Govory tatar-kryashen v sravnitelnom osveshchenii*. Moscow.
- Bayazitova, F.S. 1995: K rekonstruktsii traditsionnoy kultury nagaybakov (obryad I tekst). In *Nagaybaki (kompleksnoye issledovaniye gruppy kreshchyenykh tatar-kazakov)*. Kazan, 94–117.
- Bekteyeva, E.A. 1902: Nagaybaki. (Kreshchyenye tatory Orenburgskoy gubernii). *Zhivaya starina* II, 165–181.
- Bromley, Y.V. 1983: *Ocherki teorii etnosa*. Moscow.
- Vitevskiy, V.N. 1897: *I.I. Neplyuev I Orenburgskiy kray v prezhnem yego sostave do 1758 goda*. T. II. Kazan.
- Vitevskiy, V.N. 1891: Skazki, zagadki i pesni nagaybakov Verkhneuralskogo uyezda Orenburgskoy gubernii. In: *Trudy IV Arkheologicheskogo Sezda v Rossii*. T. II. Kazan, 257–286.
- Dal', V.I. 2000: *Tolkovy slovar zhivogo velikoruskogoyazyka: v chetyryekh tomakh*. T. I. Moscow.
- Z|akiyev, M.Z. 1996: *Tatarskiy yazyk. Yazyki mira: tyurkskie yazyki*. Moscow.
- Iskhakov, D.M. 1993: *Etnograficheskiye gruppy tatar Volgo-Uralskogo regiona (printsipy vydeleniya, formirovaniye, rasseleniye i demografiya)*. Kazan.
- Katanov, N.F. 1898: Otchyet o poezdke, sovershyennoy s 1 iyunya 1897 goda po 20 avgusta togo zhe goda v Belebeyevskiy I Menzelinskiy uezdy Ufimskoy gubernii. In: *Uchyenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Kazan. Kn. I, 1–37.
- Mineyev, P.M. 2008: *Po beregam reki Gumbeyki*. Chelyabinsk.
- Nebolsin, P.I. 1852: Otchyet o puteshestvii v Orenburgskiy I Astrakhanskiy kray. *Vestnik IRGO*. C. IV. Kn. I, 1–34.
- Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii 24 marta 2000 goda № 255 «O edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii»*, <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>
- Ramazanova, D.B. 1995: Nekotorye nablyudeniya nad sistemoy terminov rodstva I svoystva nagaybakov. In: *Nagaybaks (kompleksnoye issledovaniye gruppy kreshchyenykh tatar-kazakov)*. Kazan, 88–93.
- Rakhimov, R.R. 1991: K voprosu o sovremennykh tadhiksko-uzbekskikh mezhnatsionalnykh otnosheniyakh. *Sovetskaya etnografiya* 1, 13–24.
- Sokolovskiy, S.V. 2009: *Ktyasheny vo Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda*. Naberezhnye Chelny.
- Stalin, I.V. 1931: O natsionalnom voprose i natsionalnoy culture. *Kultura i pismennost Vostoka*. Kn. 7/8. Moscow, 5–13.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazachyego voyska s prilozheniyem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamyem i karty*. Orenburg.
- Urazmanova, R.F. (red.) 2001: *Tatary*. Moscow.
- Tishkov, V.A. 2011: *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii is zhurnala «Etnopanorama» 1999–2011 gg*. Orenburg.
- Tishkov, V.A. (red.) 1994: Nagaybaki. In: *Narody Rossii: entsiklopediya*. Moscow.
- Federal'ny zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-F3 «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami)*, <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

ETHNO-LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE NAGAYBAKS IN THE DYNAMICS OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Irek R. Atnagulov

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
i.atnagulov@mail.ru*

Abstract. The Nagaybaks as the new identity appears in the 18th – 19th centuries. The main ethnic marking signs were the religious, social class, ethno-cultural and language affiliation. The history of formation, development and influence on the ethnic appearance of Nagaybaks have been described in previous publications, including this journal. In the 1920s-1930s with the loss of caste and religious identities the Nagaybaks language became almost the only ethnic identification sign. In accordance with the newly adopted codification of the principle of population by ethnicity Nagaybaks since the late 1930s have been excluded from the list of nationalities of the USSR and became a part of the population, fixed by the ethnic name “Tatars”. One of the reasons for this was the fact that the language of Nagaybaks according to the linguistic classification was included in the system of dialects of the middle dialect of the Tatar language. By the end of the 1990s there was a contradiction between the official status of ethnic and linguistic identities of Nagaybaks and their folk understanding. Nagaybaks, preserving ethnic identity distinct from the Tatars, also positioned their first language not as the Tatar, but as regional. In 2015, regional ethnographers created the dictionary in which the spelling of the vocabulary produced not by taking into account literary norms of the Tatar, as it was before, but in accordance with the phonetic characteristics of regional dialect. The existence of regional linguistic identity is confirmed by our field studies conducted in 2005–2015. The peculiarity of the language situation among Nagaybaks is that over the past century, the functioning of the native language has decreased significantly in favor of Russian. However, the attitude to the native language as the main ethnic mark has not only preserved but even strengthened. The acuteness of a problem is increased by scientific and public discussion about the linguistic status of the native language of nagaybak.

Key words: ethnology of Transurals, identity, linguistics, Nagaybaks

---
